

Как сделать скучные
произведения любопытными
или еще раз о проблемных
уроках.

Преграды на пути к произведению

- язык
- исторический контекст
- сложность формы
- объем
- перегруженность описаниями, в том числе пейзажными
- или просто человек не понимает, «что тут такого и зачем об этом читать»

Способы их преодоления:

- Обязательно снимаем трудности языковые
- Исторический контекст и сложность формы из препятствия можно превратить в интригу, загадку и начать её разгадывать - это исследовательский путь
- Чтобы понять, «что тут такого и зачем об этом читать», нужно создать проблемную ситуацию.

Что такое проблемная
ситуация?

Чем она отличается от
исследовательской,
поисковой?

Лирика как «сложный и
неинтересный» текст

Владимир Соколов

Нужно плотно прижаться лицом к стеклу,
От вагонного света рукой отстраниться,
Чтоб увидеть, как в ночь, не успев появиться,
Исчезает вокзал с фонарем на углу.

Нужно плотно прижаться лицом к стеклу,
Чтоб увидеть в окне не понурые спины
Задремавших людей, не узлы, не корзины,
А дома и деревья, кустарник и мглу.

Нужно плотно прижаться к стеклу лицом,
Сжав дыханье в груди,
 чтоб глазам не мешало,
Чтоб волненье твое
 на стекло не дышало,
Чтоб увидеть в окне
То, что есть за окном.

* * *

На влажные планки ограды
Упав, золотые шары
Снопом намокают, не рады
Началу осенней поры.

— Ты любишь ли эту погоду,
Когда моросит, моросит...
И желтое око на воду
Фонарь из-за веток косит?

— Люблю. Что, как в юности, бредим,
Что дождиком пахнет пальто.
Люблю. Но уедем, уедем
Туда, где не знает никто...

И долго еще у забора,
Где каплют секунды в ушат,
Обрывки того разговора,
Как листья, шуршат и шуршат.

А.Н. Архангельский, Т.Ю. Смирнова

УМК «Литература»

Программа для 5-9 классов

**«Литература как школа эстетического
воспитания»**

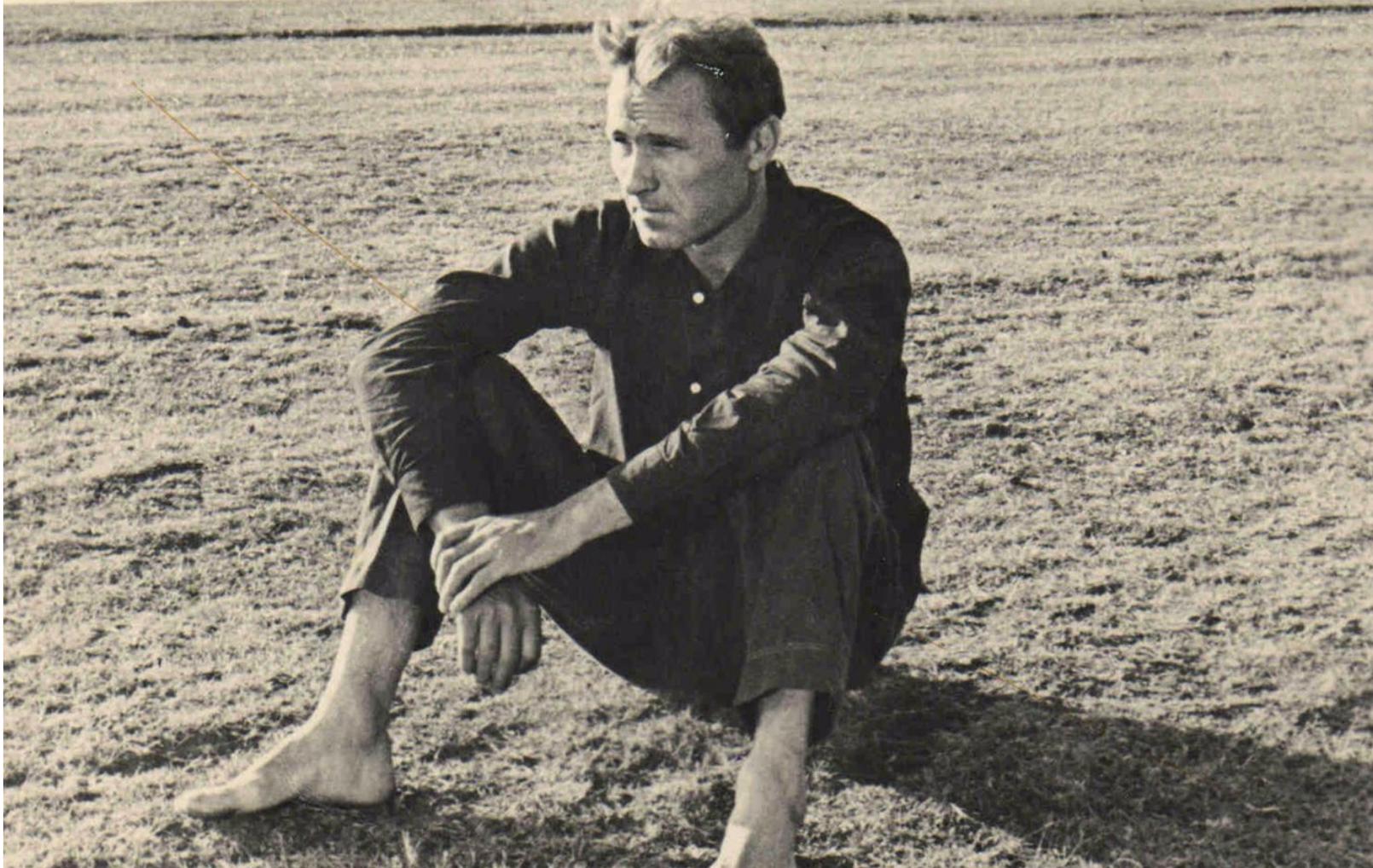
СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игорево, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову¹! Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времён усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими², прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали. Начнём же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердце своё мужеством, преисполнившись ратного духа, навёл свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую. О Боян, соловей старого времени!

Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой¹ с полей на горы! Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону великому». Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Велеса²: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве!» Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждёт милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы». Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью всё его войско прикрыто. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем пленённым быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон».

Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копьё преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона». Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, востепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой: Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутараканский идол¹. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полуночи, словно лебеди встревоженные. Игорь к Дону войско ведёт. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки беду будят по яругам, орлы клёкотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червлёные² щиты. О Русская земля! Уже за холмом ты!

Василий Макарович Шукшин (1929—1974)

Василий Макарович Шукшин
(1929—1974)
ЭКЗАМЕН

— Почему опоздали? — строго спросил профессор.

— Знаете... извините, пожалуйста... прямо с работы... срочный заказ был...

— Студент — рослый парняга с простым хорошим лицом — стоял в дверях аудитории, не решаясь пройти дальше. Глаза у парня правдивые и неглупые.

— Берите билет. Номер?

— Семнадцать.

— Что там?

— «Слово о полку Игореве» — первый вопрос. Второй...

— Хороший билет. — Профессору стало немного стыдно за свою строгость.

— Готовьтесь.

Студент склонился над бумагой, задумался. Некоторое время профессор наблюдал за ним. Перед его глазами за его длинную жизнь прошла не одна тысяча таких вот парней; он привык думать о них коротко — студент. А ведь ни один из этой многотысячной армии не походил на другого даже отдалённо. Все разные.

«Всё меняется. Древние профессора могли называть себя учителями, ибо имели учеников. А сегодня мы только профессора», — подумал профессор. — Вопросов ко мне нет? — Нет. Ничего. Профессор отошёл к окну. Закурил. Хотел додумать эту мысль о древних профессорах, но вместо этого стал внимательно наблюдать за улицей. Вечерело. Улица жила обычной жизнью — шумела. Проехал трамвай. На повороте с его дуги посыпались красные искры. Перед семафором скопилось множество автомобилей; семафор подмигнул им, и они все сразу ринулись по улице. По тротуарам шли люди. Торопились. И машины торопились, и люди торопились.

«Люди всегда будут торопиться. Будут перемещаться со сверхзвуковой скоростью и всё равно будут торопиться. Куда всё это устремляется?..»

— Кхм... — Студент пошевелился.

— Готовы? Давайте. — Профессор отвернулся от окна.

— Слушаю. Студент держал в толстых грубых пальцах узкую полоску бумаги — билет; билет мелко дрожал.

«Волнуется, — понял профессор. — Ничего, поволнуйся».

— «Слово о полку Игореве» — это великое произведение, — начал студент. — Это... шедевр... Относится к концу двенадцатого века... кхэ... Автор выразил здесь чаяния... Глядя на парня, на его крепкое, строгой чеканки лицо, профессор почему-то подумал, что автор «Слова» был юноша... совсем-совсем молодой.

— ...Князья были разобщены, и... В общем, Русь была разобщена, и когда половцы напали на Русь... — Студент закусил губу, нахмурился: должно быть, сам понимал, что рассказывает неинтересно, плохо. Он слегка покраснел.

«Не читал. — Профессор внимательно и сердито посмотрел в глаза студенту. — Да, не читал. Одно предисловие дурацкое прочитал. Черти полосатые! Вот вам — ягодки заочного обучения!» Профессор был противником заочного обучения. Пробовал в своё время выступить со статьёй в газете — не напечатали. Сказали: «Что вы!» — «Вот вам — что вы! Вот вам — князья разобщены».

— Читали?

— Посмотрел... кхэ...

— Как вам не стыдно? — с убийственным спокойствием спросил профессор и стал ждать ответа. Студент побагровел от шеи до лба. — Не успел, профессор. Работа срочная... заказ срочный...

— Меня меньше всего интересует ваш заказ. Если хотите, меня интересует человек, русский человек, который не удосужился прочитать величайшее национальное произведение. Очень интересует! — Профессор чувствовал, что начинает ненавидеть здорового студента.

— Вы сами пошли учиться? Студент поднял на профессора грустные глаза.

— Сам, конечно.

— Как вы себе это представляли?

— Что?

— Учёбу. В люди хотел выйти? Да? Некоторое время они смотрели друг на друга.

— Не надо, — тихонько сказал студент и опустил голову.

— Что не надо?

— Не надо так...

— Нет, это колоссально! — воскликнул профессор, хлопнул себя по колену и поднялся.

— Это колоссально. Хорошо, я не буду так. Меня интересует: вам стыдно или нет?

— Стыдно.

— Слава тебе, господи! С минуту молчали. Профессор ходил около доски, фыркал и качал головой. Он даже как будто помолодел от злости. Студент сидел неподвижно, смотрел в билет... Минута была глупая и тяжкая.

— Спросите ещё что-нибудь. Я же готовился.

— В каком веке создано «Слово»?

— Профессор, когда сердился, упрямился и капризничал, как ребёнок. — В двенадцатом. В конце.

— Верно. Что случилось с князем Игорем?

— Князь Игорь попал в плен.

— Правильно! Князь Игорь попал в плен. Ах, чёрт возьми! — Профессор скрестил на груди руки и изобразил на лице великую досаду и оттого, что князь Игорь попал в плен, и оттого главным образом, что разговор об этом получился очень уж глупым. Издевательского тона у него не получилось — он действительно злился и досадовал, что вовлёк себя и парня в эту школьную игру. Странное дело, но он сочувствовал парню и потому злился на него ещё больше.

— Ах, досада какая! Как же это он попал в плен?!

— Ставьте мне, что положено, и не мучайтесь.

— Студент сказал это резким, решительным тоном. И встал. На профессора тон этот подействовал успокаивающе. Он сел. Парень ему нравился.

— Давайте говорить о князе Игоре. Как он там себя чувствовал? Сядьте, во-первых. Студент остался стоять.

— Ставьте мне двойку.

— Как чувствовал себя в плену князь Игорь?! — почти закричал профессор, опять испытывая прилив злости.

— Как чувствует себя человек в плену? Неужели даже этого не понимаете?! Студент стоя некоторое время непонятно смотрел на старика ясными серыми глазами.

— Понимаю, — сказал он.

— Так. Что понимаете?

— Я сам в плену был.

— Так... То есть как в плену были? Где?

— У немцев.

— Вы воевали?

— Да.

Профессор внимательно посмотрел на студента, и опять ему почему-то подумалось, что автор «Слова» был юноша с голубыми глазами. Злой и твёрдый.

— Долго?

— Три месяца.

— Ну и что?

— Что? Студент смотрел на профессора, профессор — на студента. Оба были сердиты.

— Садитесь, чего вы стоите, — сказал профессор.

— Бежали из плена?

— Да. — Студент сел. Опять взял билет и стал смотреть в него. Ему хотелось скорей уйти.

— Как бежали? Расскажите.

— Ночью. С этапа.

— Подробней, — приказал профессор. — Учитесь говорить, молодой человек! Ведь это тоже надо. Как бежали? Собственно, мне не техника этого дела интересна, а... психологический момент, что ли. Как чувствовали себя? Это ведь горько — попасть в плен? — Профессор даже поморщился...

— Вы как попали-то? Ранены были?

— Нет.

Помолчали. Немножко дольше, чем требуется для беседы на такую тему. — А как же?

— Попали в окружение. Это долго рассказывать, профессор.

— Скажите, пожалуйста, какой он занятой!

— Да не занятой, а...

— Страшно было?

— Страшно.

— Да, да. — Профессору почему-то этот ответ очень понравился. Он закурил.

— Закуривайте тоже. В аудитории, правда, не разрешается, но... ничего...

— Я не хочу. — Студент улыбнулся, но тут же посерьёзnel.

— Деревня своя вспоминалась, конечно, мать?... Вам сколько лет было? — Восемнадцать.

— Вспоминалась деревня?

— Я из города.

— Ну? Я почему-то подумал — из деревни. Да... Замолчали. Студент всё глядел в злополучный билет; профессор поигрывал янтарным мундштуком, рассматривал студента.

— О чём вы там говорили между собой?

— Где? — Студент поднял голову. Ему этот разговор явно становился в тягость.

— В плену

— Ни о чём. О чём говорить?

— Чёрт возьми! Это верно! — Профессор заволновался. Встал. Переложил мундштук из одной руки в другую. Прошёлся около кафедры.

— Это верно. Как вас зовут?

— Николай.

— Это верно, понимаете?

— Что верно? — Студент вежливо улыбнулся. Положил билет. Разговор принимал совсем странный характер — он не знал, как держать себя.

— Верно, что молчали. О чём же говорить! У врага молчат. Это самое мудрое. Вам в Киеве приходилось бывать?

— Нет.

— Там есть район — Подол называется, — можно стоять и смотреть с большой высоты. Удивительная даль открывается. Всякий раз, когда я стою и смотрю, мне кажется, что я уже бывал там когда-то. Не в своей жизни даже, а давным-давно. Понимаете? — У профессора на лице отразилось сложное чувство — он как будто нечаянно проговорился о чём-то весьма сокровенном и теперь, во-первых, опасался, что его не поймут, во-вторых, был недоволен, что проговорился. Он смотрел на студента с тревогой, требовательно и заискивающе.

Студент пожал плечами, признался:

— Как-то сложно, знаете.

— Ну, как же! Что тут сложного?

— Профессор опять стал быстро ходить по аудитории. Он сердился на себя, но замолчать уже не мог. Заговорил отчётливо и громко:

— Мне кажется, что я там ходил когда-то. Давно. Во времена Игоря. Если бы мне это казалось только теперь, в последние годы, я бы подумал, что это старческое. Но я и молодым так же чувствовал. Ну? Повисла неловкая пауза. Два человека смотрели друг на друга и не понимали, что им, собственно, требуется сейчас выяснить.

— Я немного не понимаю, — осторожно заговорил студент, — при чем тут Подол?

— При том, что мне показалось очень точным ваше замечание насчёт того, что — молчали. Я в плену не был, даже не воевал никогда, но там, над Подолом, я каким-то образом постигал всё, что относится к войне.

Я додумался, что в плену — молчат. Не на допросах — я мог об этом много читать, — а между собой. Я многое там узнал и понял. Я, например, много думал над вопросом: как бесшумно снимать часовых? Мне думается, их надо пугать. Студент удивлённо посмотрел на профессора. — Да. Подползти незаметно и что-нибудь очень тихо спросить. Например: «Сколько сейчас времени, скажите, пожалуйста?» Он в первую секунду ошалеет, и тут бросайся на него.

Студент засмеялся, опустив голову.

— Глупости говорю? — Профессор заглянул ему в глаза. Студент поторопился сказать:

— Нет, почему... Мне кажется, я понимаю вас.

«Врёт. Не хочет обидеть», — понял профессор. И скис. Но счёл необходимым добавить ещё:

— Это вот почему: наша страна много воюет. Трудно воюет. Это почти всегда народная война и народное горе.

И даже тот, кто не принимает непосредственного участия в войне, всё равно живёт теми же чувствами и заботами, какими живёт народ. Я это не из книжек вычитал, сами понимаете. Я это чувствую и верю этому.

Долго после этого молчали — отходили. Надо было вернуться к исходному положению: к «Слову о полку Игореве», к тому, что это великое произведение постыдно не прочитано студентом. Однако профессор не удержался и задал ещё два последних вопроса: — Один бежал? — Нет, нас семь человек было.

— Наверно, думаете: вот привязался старый чудак! Так?

— Да что вы! Я совсем так не думаю.

— Студент покраснел так, как если бы он именно так и подумал. — Правда, профессор. Мне очень интересно. Сердце старого профессора дрогнуло.

— Это хорошо, солдат. Это хорошо, что вы меня понимаете. «Слово» надо, конечно, прочитать. И не раз. Я вам подарю книжку... у меня как раз есть с собой... — Профессор достал из портфеля экземпляр «Слова о полку Игореве», подумал. Посмотрел на студента, улыбнулся. Что-то быстро написал на обложке книги, подал студенту.

— Не читайте сейчас. Дома прочитаете. Вы заметили: я суетился сейчас, как неловкий жених.

— Голос у профессора и выражение лица были грустными. — После этого бывает тяжело. Студент не нашёлся, что на это сказать. Неопределённо пожал плечами.

— Вы все семеро дошли живыми?

— Все.

— Пишете сейчас друг другу?

— Нет, как-то, знаете...

— Ну, конечно, знаю. Конечно. Это всё, дорогой мой, очень русские штучки. А вы ещё «Слово» не хотите читать. Да ведь это самая русская, самая изумительная русская песня. «Комони ржутъ за Сулою; звонить слава въ Кыеве; трубы трубятъ въ Новеграде; стоять стязи въ Путивле!» А? — Профессор поднял кверху палец, как бы вслушиваясь в последний растаявший звук чуждой песни.

— Давайте зачётку. — Он проставил оценку, закрыл зачётку, вернул её студенту. Сухо сказал:

— До свидания.

Студент вышел из аудитории. Вытер вспотевший лоб. Некоторое время стоял, глядя в пустой коридор. Зачётку держал в руке — боялся посмотреть в неё, боялся, что там стоит «хорошо» или, что ещё тяжелее, — «отлично». Ему было стыдно. «Хоть бы “удовлетворительно”, и то хватит», — думал он. Оглянулся на дверь аудитории, быстро раскрыл зачётку... некоторое время тупо смотрел в неё. Потом ещё раз оглянулся на дверь аудитории, тихо засмеялся и пошёл. В зачётке стояло: «плохо». На улице он вспомнил про книгу. Раскрыл, прочитал: «Учись, солдат. Это тоже нелёгкое дело. Проф. Григорьев». Студент оглянулся на окна института, и ему показалось, что в одном он увидел профессора. ...Профессор действительно стоял у окна. Смотрел на улицу и щёлкал ногтями по стеклу. Думал.